

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ И МИР ЕЕ ТВОРЧЕСТВА

- Ваша излюбленная добродетель?
- Милосердие.
- Ваше излюбленное качество у мужчин?
- Серьезность и глубина.
- Ваше излюбленное качество у женщин?
- То же самое.
- Ваше излюбленное занятие?
- Изучение характеров людей.
- Что вы считаете величайшим счастьем?
- Верить в самое себя.
- Что вы считаете величайшим несчастьем?
- Ранить чувства других людей.
- Ваш любимый цвет?
- Цвет солнечного заката.

*Из интервью Сельмы Лагерлёф
(1890-е гг.)*

Поразительно сложилась судьба замечательной шведской писательницы Сельмы Оттили Лувисы Лагерлёф (1858–1940), самой знаменитой женщины Швеции конца XIX — начала XX века. Она прожила восемьдесят два года, из них пятьдесят отдала творчеству. Лагерлёф стала автором двадцати семи крупных произведений. И любая из самых знаменитых ее книг могла бы обессмертить ее имя. В молодости Лагерлёф создала уникальный в своем роде роман — «Сага о Йёсте Берлинге» (1881–1891). В годы зрелости — замечательную сказочную эпопею «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» (1906–1907). В старости — трилогию о Лёвеншёльдах: романы «Перстень Лёвеншёльдов» (1925), «Шарлотта Лёвеншёльд» (1925) и «Анна Свезд» (1928). Перу Лагерлёф принадлежат также многочисленные повести, новеллы, предания, литературные сказки, эссе и т. д.

Уже «Сага о Йёсте Берлинге» и «Удивительное путешествие Нильса...» (в дальнейшем мы будем его так называть) принесли писательнице славу. В 1907 году она стала почетным доктором Упсальского университета, в 1909 году — лауреатом Нобелевской премии, а в 1914 году — одним из восемнадцати «бессмертных» — одним из восемнадцати членов Шведской академии.

Пятидесятилетие сказочницы отмечалось в 1908 году в Швеции как народный праздник. Ее буквально засыпали цветами и подношениями.

Куда девались все цветы?
Кто разорил оранжереи?
Во всей стране не сыщешь ты
Ни лилии, ни орхидеи, —

писал анонимный автор стихотворения, напечатанного в одной из шведских газет.

Любопытно, что вокруг имени Лагерлёф уже в начале XX века начала складываться легенда. Ее называли самой счастливой женщиной в мире. Ее жизнь сравнивали с триумфальным шествием. Были и попытки превратить писательницу в простую добрую сказочницу с общепринятым христианским образом мыслей. «И эти попытки нанесли ей вред значительно больший, нежели критическое доброжелательство. Из нее хотели сделать гипсовый бюст», — писал Н. Афселиус. «Горечь и отрицание ей абсолютно чужды», — сказал о писательнице шведский литературовед Ф. Бёек. Между тем даже «Сага о Йёсте Берлинге» — тот же Афселиус называл ее «самой примечательной книгой дебютантки», которая когда-либо издавалась в Швеции, — пробудив интерес и восторг одних, вызвала сопротивление других.

Многие критики, единодушно признавая своеобразие историй, включенных в роман, сомневались в их правдивости. Известный критик литературы К. Варбург писал, что книга эта — «неудавшееся попури из фантастических мечтаний, талантливых, подчас почти гениальных описаний, с одной стороны, неестественностей в действии, в стиле и ужасающей наивности — с другой».

Трудная судьба выпала и на долю книги «Удивительное путешествие Нильса...». Тем не менее отзывы на нее также развенчивают миф о Лагерлёф — миф о безобидной и доброй сказочнице.

«Удивительное путешествие Нильса...» подверглось мелочной критике за избыток фантастического. Многих раздражал язык Лагерлёф, его зачастую разговорная форма.

Однако книга выдержала и более серьезные претензии. Первый том книги вызвал резкие нападки зоологов и орнитологов. Специалисты в разных отраслях науки и патриоты отдельных шведских провинций осыпали писательницу упреками. Как же! Ведь ей не

удались описания Смоланда, Вестеръёланда и Халланда! Ведь она забыла озеро Венерн и город Гётеборг! Даже в 1954 году шведский географ Г. Йонссон обвинил «Удивительное путешествие Нильса...» в «весьма слабом контакте с научным исследованием» и в необычайной наивности с точки зрения географической.

Особенно враждебно встретили книгу официальные церковники, реакционные педагоги и так называемые «патриоты Смоланда». Церковник Габриельссон напал на «Удивительное путешествие Нильса...» за то, что оно написано «без цели и без плана». Ужасным нашел он рассказ о Боге и святом Петре, рассказ, где «грешный человек был посажен рядом с Богом». И безапелляционно решил: «Книги Сельмы Лагерлёф не следует рекомендовать для чтения детям». Церковник У. Пфафф, собрав школьный совет, доложил: «Некая учительница младшего отделения народной школы позволила себе читать детям вслух из этой книги, которую следует заклеить как вредную и пагубную».

Епископ Эклунд из Карлстада объявил: «Популярность Сельмы Лагерлёф можно расценивать как деградацию педагогов вообще и шведских читателей в частности».

Х. Берг усмотрел в книге лишь «странное смешение историй о домовых и описаний ландшафта»: «Будь у меня власть, а желание у меня есть, „Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона“ ни одного дня не использовалось бы как учебник, прежде чем „Сказка о Смоланде“ не была бы удалена из этой работы либо не была бы полностью переработана». Многие консервативные школьные деятели были возмущены тем, что Лагерлёф нарисовала Смоланд бедным и убогим.

С годами, по мере того как творчество Лагерлёф подвергалось тщательному изучению в трудах Г. Альстрёма, Э. Лагеррота, Н. Афселиуса, В. Эдстрёма и других шведских исследователей, в стране сложилась объективная оценка творчества писательницы. В Германии замечательный талант Лагерлёф высоко оценил Томас Манн, написав: «Лагерлёф — подлинная и великая рассказчица с эпическими первозданными инстинктами, несомненная личность».

Книги Лагерлёф, как и многих других скандинавских авторов, стали известны в России в самом начале XX века. Это было связано, как отмечал и известный русский критик Ю. Веселовский,

с возросшей ролью скандинавской и особенно норвежской литературы во всем мире¹. «Вот уже более 50 лет, — говорилось в 1909 году в журнале «Нива», — как новые викинги Ганс Андерсен, Генрик Ибсен и их собратья: датские, норвежские и шведские писатели — завоевывают все более и более широкий круг читателей»². Популярность скандинавской литературы в России была связана также с деятельностью таких замечательных переводчиков, как А. и П. Ганзен, М. Благовещенская и В. Спасская. В 1903 году критик Л. Уманец написал, что шведская литература в настоящее время — лучшая из скандинавских литератур, а Лагерлёф — одна из выдающихся шведских писателей. По его мнению, роман «Сага о Йёсте Берлинге» обладает неизъяснимой прелестью, «хотя талант Лагерлёф наиболее ярко проявляется в мелких произведениях, а не в крупных»³.

«Неясно, к какой школе она принадлежит, — заметил критик О. Петерсон. — Это талант оригинальный и яркий и притом вполне национальный и самобытный... Среда Лагерлёф проста и ясна... Искони укоренившиеся устои и традиции, тишина и неподвижность жизни, свойственные местечкам, удаленным от больших и шумных центров, создают среду, в которой долго сохраняются простота и чистота нравов». Однако Петерсон тут же делает вывод, что писательница эта весьма характерна для своего времени.

«Воспитанная в строгой школе реализма последнего периода европейской литературы вообще и скандинавской в особенности, Сельма Лагерлёф... обнаруживает большую склонность в сторону вновь нарождающегося романтизма. Реальной школе она, несомненно, обязана своей строгой правдивостью и верностью изображения характеров и бытовой жизни, хотя при этом она и остается совершенно чужда крайностей так называемого натурализма. Романтизм же ее литературного темперамента ясно сказывается в ее несомненном стремлении в область легенды и предания»⁴.

В начале XX века Лагерлёф оставалась для русских читателей известной шведской писательницей, чьи портреты печатались во многих журналах. А подписи к этим портретам рекомендовали ее

¹ *Веселовский Ю. А.* Литературные очерки. М., 1910. Т. 2. С. 365, 369.

² Фиорды: Художественная литературная Скандинавия // *Нива*. 1909. № 13. С. 260.

³ *Уманец Л.* Скандинавские мистики // *Рус. мысль*. 1903. Июль. С. 133.

⁴ *Петерсон О.* Сельма Лагерлёф // *К свету*. СПб., 1904. С. 183, 186, 189, 201.

даже не столько как автора «Саги о Йёсте Берлинге», сколько романов «Чудеса Антихриста», «Иерусалим» и многочисленных новелл. Литератор К. Норов отметил в 1905 году, что имя Лагерлёф все чаще и чаще мелькает среди имен иностранных авторов, чьи произведения усердно переводятся на русский язык и столь же усердно читаются публикой. Тем не менее это казалось ему несколько странным. Ведь шведская писательница «рисует мало, кажется, понятный нам мир шведского крестьянства». Однако, пытаясь честно разобраться в причинах ее популярности, критик приходит к выводу: «Талант писательницы сумел в этом маленьком мире найти и изобразить такие черты, которые глубоко заинтересуют всякого интеллигентного читателя, будь он швед, русский, поляк, немец»¹.

Интересна небольшая заметка «Сельма Лагерлёф и сага». Анонимный автор заметки отмечает три основных качества шведской сказочницы: необыкновенную силу воображения, дар плавного изложения и богатство чувств, любовь ко всему живущему на земле².

Книга «Удивительное путешествие Нильса...» большого впечатления, если судить по прессе того времени, не произвела. По-прежнему говорились какие-то общие фразы о том, что в романе «Сага о Йёсте Берлинге» реализм переплетается с фантастикой, что от произведений шведской писательницы веет чем-то «радостным и светлым»³. О книге же «Удивительное путешествие Нильса...», как, впрочем, и много позднее, не говорилось ни слова или говорилось очень мало. Перевод 1908–1909 годов удостоился лишь одной рецензии В. Величкиной, рассматривавшей только географические вопросы, затронутые в книге⁴.

Тем не менее Лагерлёф в начале XX века была одной из самых известных в России зарубежных писательниц. Именем Сельма называли новорожденных девочек. Издавались ее собрания сочинений и отдельные произведения. Публиковались они часто, к сожа-

¹ Норов К. Сельма Лагерлёф и сага // Вестник литературы. 1905. № 13. С. 298–299.

² Сельма Лагерлёф и сага // Вестник иностранной литературы. 1906. Янв. С. 283.

³ Сельма Лагерлёф // Оскар Норвежский: Литературные силуэты. СПб., 1909. С. 124.

⁴ Величкина В. Сельма Лагерлёф. Чудесное путешествие мальчика по Швеции // Современный мир. 1909. № 8.

лению, в переводе с языка-посредника — немецкого, с неточностями, купюрами, элементами контаминации, а иногда и просто с описаниями вместо перевода.

Приходится согласиться с критиком Л. Уманцем, который еще в 1903 году писал: «Чтобы находить удовольствие в произведениях Лагерлёф, их надо читать в полном виде, без пропусков; они значительно теряют в кратких извлечениях, и самая фабула настолько фантастична, что не поддается пересказу»¹.

Литературный талант шведской писательницы рано отметил М. Горький. Сравнивая Сельму Лагерлёф с итальянской писательницей Грацией Деледда, Горький сказал в 1910 году: «Смотрите, какие сильные перья, сильные голоса! У них можно кое-чему научиться нашему брату-мужику!»² В 1912 году С. Груздев в статье «Что читать детям рабочих», напечатанной в газете «Правда», рекомендовал им произведения шведской писательницы³.

После 1917 года были опубликованы лишь самые известные произведения писательницы (в переводах со шведского языка): «Сага о Йёсте Берлинге», «Удивительное путешествие Нильса...», трилогия о Лёвеншёльдах, некоторые новеллы и литературные сказки. Правда, критика и литературоведение ограничивались лишь отдельными заметками о писательнице, в частности, в 1940 году, после ее смерти, был опубликован некролог. После 1958 года, когда по призыву Всемирного совета мира народы земного шара отмечали столетие со дня рождения Лагерлёф, появились более крупные работы о ней (главы книг, диссертации, статьи, предисловия и т. д.), написанные В. Неустроевым, Д. Шарыпкиным, Л. Брауде.

Настоящее издание предлагает вниманию читателя произведения, завоевавшие всемирную славу: «Сагу о Йёсте Берлинге» и трилогию о Лёвеншёльдах — широкую историческую картину жизни Швеции, своего рода семейную хронику.

Сельма Оттилия Лувиса Лагерлёф родилась в 1858 году в родовой усадьбе своих родителей Морбакка. Отец ее был отставной военный, лейтенант. Мать — учительница. Величайшее влияние на

¹ Уманец Л. Скандинавские мистики. С. 135.

² Цит. по ст.: Дейч А. Сельма Лагерлёф // Лагерлёф С. Сага о Йёсте Берлинге. М., 1958. С. 400.

³ Груздев С. Что читать детям рабочих // Правда. 1912. 25 дек.

развитие поэтического дарования Лагерлёф оказала среда ее детства, проведенного в одной из самых живописных областей Центральной Швеции — Вермланде, посреди плодородной, богатой и щедрой долины, окруженной гранитными лесистыми горами. Сама же Морбакка, расположенная на краю дороги, — одно из ярких воспоминаний детства писательницы: она не уставала описывать ее в своих произведениях, особенно в книжках «Морбакка» (1922), «Мемуары ребенка» (1930) и «Дневник» (1932).

Но больше всего она любила живших в усадьбе людей, которые в ее глазах навсегда остались сильными, мужественными и талантливыми. Лагерлёф обожала отца и впоследствии наделяла его портретными чертами своих героев и в первую очередь Йёсту Берлинга. Некоторые биографы писательницы ошибочно приписывали ему большое литературное дарование. Но тем не менее он питал сильную любовь к шведской литературе и фольклору Вермланда. Девочка была очень привязана к бабушке и тетушке Нане. Они знали множество сказок, местных преданий и родовых хроник, которые рассказывали маленькой Сельме, ее братьям и сестрам. «Я вспоминаю, что бабушка с утра до вечера сидела с нами и без конца рассказывала, а мы, дети, тихонько жались друг к другу и слушали. Вот была чудесная жизнь! Нет детей, которым бы жилось так, как нам», — писала впоследствии Лагерлёф. Вспоминая уже в старости тетушку Нану, она говорила, что в ее ушах до сих пор звучит уверенный голос рассказчицы и она чувствует, как мороз пробегает по коже: это трепет ужаса, который бывает не только от боязни привидений, но и от предвкушения того, что произойдет.

Каких только историй не рассказывали бабушка и тетушка о минувших временах! О прекрасных дамах и кавалерах Вермланда, о злом заводчике, который водился с нечистым, о злых сороках, преследовавших хозяйку дома так настойчиво, что она боялась переступить порог, о привидениях, обитавших почти во всех усадьбах! Особенно жадно прислушивалась ко всем этим историям маленькая Сельма, которую в трехлетнем возрасте разбил паралич. С тех пор мир девочки стал очень ограниченным. Потому-то смерть бабушки-сказочницы пятилетняя Сельма восприняла как величайшую трагедию: ей казалось, будто что-то ушло из жизни, будто хлопнулась дверь в целый мир, прекрасный заколдованный мир, и теперь не было больше никого, кто бы мог отворить эту дверь. Быть может, поэтому, поздравляя много лет спустя М. Горького

с днем рождения, Лагерлёф писала: «В день пятидесятилетия М. Горького я хочу прежде всего поблагодарить писателя за изображение его бабушки, старой женщины с пышными волосами и кротким сердцем, рассказчицы прекрасных легенд, — за самый очаровательный из многих чудесных образов русских женщин, какие я встречала в мировой литературе»¹. Когда Лагерлёф читала «Детство» Горького, перед ней, несомненно, вставал образ сказочницы ее детства.

Величайшим откровением для будущей писательницы было знакомство с творчеством шведских и зарубежных поэтов и писателей — Э. Тегнером, К. М. Бельманом, Х. К. Андерсеном, В. Скоттом, Т. М. Ридом. «Предо мной опять новый пестрый мир...» — в восторге писала она после чтения романа Скотта и посещения театра в Стокгольме, куда приехала в 1867 году лечиться в специальной больнице и где ей вернули способность двигаться.

В то время Лагерлёф уже лелеяла мысль о собственном литературном творчестве. «С семи лет мечтала я стать писательницей», — признавалась она позднее. В десять лет, наблюдая традиционный парад во дворе королевского замка в Стокгольме, она сосчитала, сколько окон в этом замке. Может статься, когда-нибудь она напишет роман о королевском замке! Но начала девочка с поэтических опытов, со стихотворений «на случай», со сказочных пьес, баллад, произведений на древнескандинавские мотивы и сонетов. «Представь себе, что ты слеп и неожиданно прозрел, что ты был ниц и быстро разбогател, что ты был отвержен и лишен друзей и нечаянно встретил большую горячую любовь! Представь себе сколь угодно большое счастье, и все равно больше того, чем я испытала в тот миг, пережить невозможно...» — писала Лагерлёф одному из своих почитателей о той минуте, когда открыла в себе способность писать стихи.

В автобиографической новелле «Сказка о сказке» (1908), название которой, вероятно, связано с заглавием мемуаров Андерсена «Сказка моей жизни», писательница поэтично рассказала о своих детских попытках творчества. Она исписывала огромное количество бумаги стихами, прозой, пьесами и романами. А когда не писала, ждала: кто-то очень образованный и могущественный узнает, что она написала, и найдет это достойным публикации. Лю-

¹ Цит. по: *Горький М.* Летопись жизни и творчества. М., 1959. Вып. 3. С. 596.

бопытно, что во времена детства Лагерлёф, даже когда она писала стихи и романы, в душе ее жила сказка. Сказка, которой напоены были воздух Вермланда и усадьба Морбакка. «Сказку о сказке» она начинает словами о жившей на свете сказке, которой хотелось, чтобы ее рассказали и вывели в свет.

Но будущей писательнице надо было учиться, так как она получила только домашнее образование; надо было зарабатывать на хлеб, потому что небогатая ее семья к тому времени окончательно разорилась. В 1881 году двадцатитрехлетняя Сельма поступила в лицей в Стокгольме и подготовилась там к поступлению в Высшую учительскую семинарию. В 1882 году ее приняли в эту семинарию, а закончила она ее в 1884 году. В том же году Лагерлёф стала учительницей в школе для девочек в маленьком провинциальном городке на юге Швеции — Ландскруне. Там на одном из небольших серых домов и сейчас висит мемориальная доска; она свидетельствует о том, что в этом доме Лагерлёф писала свою знаменитую книгу «Сага о Йёсте Берлинге».

В годы учебной сказка, по ее словам, «словно бы совсем покинула ее». Однако в Ландскруне, когда она читала и перечитывала книги любимых авторов — шведского поэта К. М. Бельмана и финляндского Й. Л. Рунеберга, ей пришло в голову, что мир преданий и легенд ее родного Вермланда ничуть не менее оригинален, чем мир героев этих писателей. Лагерлёф решила пересказать известные ей с детства предания о приключениях кавалеров из Вермланда. Но вначале работа двигалась медленно. А главное, не приходило вдохновение.

Когда в начале 1880-х годов Лагерлёф всерьез обратилась к литературному творчеству, в Швеции, по ее словам, было лучшее время строгой поэзии действительности. В последней четверти XIX века в стране шел бурный процесс роста промышленности и промышленных городов. Шведский город приобрел новые черты, наполнился дымом фабричных труб и звоном трамваев. Тогда впервые перед писателями встали проблемы, связанные с жизнью капиталистического города, с реалистическим описанием шведской действительности. Зарисовки Стокгольма того времени появились в творчестве крупного писателя А. Стриндберга, а вслед за ним ряд картин шведской столицы воспроизвел в своих произведениях Я. Сёдерберг. Однако уже тогда существовали художники, стремившиеся освободиться от точного, «фотографического», как они его

называли, изображения действительности. Реализм сменился неоромантическим направлением, отмеченным чертами буйной фантазии и эстетизма в творчестве таких писателей, как В. фон Хейденстам и О. Левертин. В произведениях этих художников воспевались жизнь дворянских усадеб, патриархальная старина, шведская помещицья и крестьянская культура, которая постепенно исчезала в процессе развития промышленности. Но был в их творчестве и элемент патриотический, отмеченный шведским историком И. Андерсоном. Этот патриотизм был конкретным и крепко держался родной земли и ее живых традиций¹.

Лагерлёф, к которой также относятся эти строки и которую причисляют к неоромантикам, воспевала патриархальную старину, жизнь дворянских гнезд и свой любимый Верmland. Вместе с тем первое же ее произведение «Сага о Йёсте Берлинге» — явление оригинальное и совсем не однозначное. Благодаря этой книге молодая писательница, по словам известного датского критика Г. Брандеса, «заняла видное место в шведской литературе, взяла новый самостоятельный тон». Лагерлёф восхищалась великими мастерами-реалистами эпохи и считала, что писать можно только их языком. Но когда она, считая, что романтизм мертв, пыталась писать о своих героях спокойной прозой, у нее ничего не получалось. Однажды она все-таки написала иначе, в романтической манере, ритмической прозой со множеством восклицаний. *И почувствовала, что к ней пришло вдохновение!* Потом писательница уже не боялась быть самой собой, и тогда начало рождаться великолепное произведение — «Сага о Йёсте Берлинге». В 1885 году умер отец Лагерлёф, а три года спустя была продана за долги Морбакка; молодая учительница еще интенсивней взялась за работу, желая написать книгу и спасти то, что еще осталось от любимого дома: «драгоценные старые истории, веселый покой беззаботных дней и прекрасный ландшафт».

Весной 1890 года газета «Идун» объявила конкурс на произведение, которое усилило бы интерес читателей к газете и придало бы ей большую солидность. Лагерлёф решила принять участие в конкурсе. В августе 1890 года она отослала пять глав книги «Сага о Йёсте Берлинге» в газету «Идун». И случилось чудо! Молодая скромная учительница получила первую премию. Жюри выразило

¹ Андерсон И. История Швеции. М., 1951. С. 373.

ей «признание по поводу необычайной художественности этого произведения, которое оставило далеко позади не только всех других участников конкурса, но и большинство из того, что давным-давно могла предложить наша отечественная литература». Получив премию, писательница оставила службу в школе. Теперь она могла спокойно заняться творческой работой. Прожив пять месяцев у друзей, Лагерлёф закончила книгу, изданную в 1891 году. Признание пришло совсем из другой страны. Брандес, рецензируя перевод книги, появившийся в 1893 году в Дании, с похвалой отзывался о замечательном своеобразии ее сюжета и оригинальности способа изложения.

Зимой 1929 года в беседе с Томасом Манном Лагерлёф подтвердила, что первоначально не предназначала эту свою книгу для печати. «Я писала ее, — рассказывала она, — для моих маленьких племянниц и племянников. Это было своего рода развлечение. Я думала, что книга заставит их смеяться». Однако «Сага о Йёсте Берлинге» стала одной из знаменитейших книг конца XIX века. Роман состоит из тридцати шести неравноценных по своей художественной силе глав и вступления (из двух частей). Почти каждая из глав является как бы мини-романом, самостоятельной новеллой, глубоко содержательной, написанной в особом стиле, в своем собственном ключе. Это, скорее всего, собрание народных преданий и легенд Вермланда. Двойственность Лагерлёф, преклонявшейся перед современными ей «реалистами» с их благоговейным отношением к природе и вместе с тем отдававшей дань романтическому стилю, ощущается во всей книге. Сохраняя реальные, естественные особенности прекрасной природы Вермланда — озер, гор, долин и рек, писательница одушевляет и персонифицирует их. Равнина разговаривает с горами, иногда жалуется и даже перебранивается с ними. Гребни волн Лагерлёф сравнивает с белокурой кудрявой головой, она наделяет их настойчивостью людей, а солнечный луч — хитростью. Пчелы и птицы тоже разговаривают, озабоченно пекутся о своих и чужих делах. Лагерлёф поэтизирует живой мир, не сохраняя, впрочем, никаких иллюзий у читателя относительно его суровости. Так, медведя, которому сладко спалось в его берлоге, она сравнивает со спящей принцессой из сказки. Ее разбудит любовь, а его — весна. Но Лагерлёф тут же безжалостно правдиво разрушает созданную ею идиллическую картину, дав понять, что, когда медведь спит, на него может обрушиться целый град дроби. Как

и Андерсен, Лагерлёф заставляет жить, говорить и думать не только явления природы, но и различные предметы. Старые сани и кареты в сарае вспоминают веселые поездки, которые они совершали в дни юности. Молоты в темных кузницах презрительно улыбаются, а попитры в конторе корчатся от смеха. Лагерлёф одушевляет и сложные сооружения и технические конструкции своего времени. Шхуны и паромы, гавани и шлюзы в ее книге удивляются и спрашивают, не привезут ли железо из Экебю? А шахты разевают свои широкие пасти и громко хохочут.

Отказавшись от точного копирования действительности и природы, Лагерлёф отдала дань фантазии, сказочности и обратилась к прошлому. Она создала мир, полный празднеств, романтики и красочных приключений. Многие из глав, построенные на легендах Вермланда, изобилуют порождениями народной фантазии («Рождественская ночь», «Доврская ведьма»). Вот злой заводчик Синтрам. Он иногда является людям в образе нечистого с рогами и хвостом, лошадиными копытами и косматым телом. Имя Синтрама — синоним зла. Он превращает старую долготелную дружбу во вражду. Вот доврская ведьма. Несмотря на свое богатство, она не гнушается просить подаяние у бедняков. Она приносит мор, она распоряжается силами природы. Ей нельзя ни в чем отказать, иначе будет беда. Эти злобные существа играют судьбами людей. Синтрам добивается изгнания майорши из Экебю, которая приносит добро всей округе. Доврская ведьма насылает тучи сорок на графиню Мэрту. Причем, описывая все эти фантастические сказочные ситуации, смысл которых, как в народных сказках, — борьба добра со злом, Лагерлёф не лишает их черт достоверности. О доврской ведьме она, например, говорит, что видела ее собственными глазами. Как и у Андерсена, голос Лагерлёф часто звучит в повествовании, выражая гнев, ненависть, одобрение, радость, иронию и юмор.

Многие главы книги — жизнеописания главных героев старинных вермландских преданий, двенадцати кавалеров, обитающих в усадьбе майорши из Экебю. Кавалеры эти — и кузен Кристофер, и музыкант Лилъекруна, и патрон Юлиус — сильные и мужественные люди, люди без денег и без забот, веселые странствующие рыцари, герои многочисленных приключений, кавалеры до мозга костей. Они — не то что окружающие их туго набитые денежные мешки, сонные владельцы имений или злые стяжатели. У кавалеров нет никаких обязательств в жизни, нет уз, связывающих их с близ-

кими людьми. Их привлекает лишь неотразимое многообразие жизни, ее сладость, ее горечь, ее богатство. Они — сложны и противоречивы. Рыцари и кавалеры — они в то же время могут совершить подлость, они — чума всей округи. Самый прекрасный и вдохновенный из кавалеров — герой книги Йёста Берлинг, отрешенный от сана и должности пастор. Йёста еще более сложен и противоречив, чем другие кавалеры. Он вдохновенно вещает слово Божье — и пропивает мешок с мукой, принадлежавший нищему ребенку. Он едет, чтобы привезти другу невесту, — и сам влюбляется в нее. Йёста — бесстрашен, он не боится ни волков, ни медведей, но на охоте не может поднять руку на затравленного медведя с горы Гурлита. Мужественно борется он с волнами восставшей реки, грозящей разбить плотину, но появление одной из его возлюбленных Элисабет отвлекает его. Йёста полон огня и жизни, он заражает всех весельем, никогда не чувствует ни холода, ни усталости. Он любит жизнь, но находит силы приговорить самого себя к смерти в сугробе за то, что обездолил голодного ребенка, и, если бы Йёсту не спасла майорша из Экебю, он бы замерз. Но он снова находит силы жить.

Под стать благородным кавалерам прекрасные вермландские дамы — графиня Элисабет, Эбба Дона, Марианна Синклер и Маргарета Сельсинг — «майорша из Экебю». Это им, женщинам минувших лет, поет гимн, поэтизируя их, Лагерлёф.

Критики, и в первую очередь Брандес, отмечали особенность мира, изображенного в романе «Сага о Йёсте Берлинге». «Все люди здесь заняты исключительно крупными переменами в их собственной жизни, своими страстями и раскаянием, своими пиршествами и балами, своею честью и позором, своими забавами и трудами, своей гордостью и искуплением, унижением и возрождением». Для Томаса Манна «Великая шведка» Лагерлёф была прежде всего автором, подарившим миру «Сагу о Йёсте Берлинге». Однако после статьи Брандеса многие рецензенты в Швеции признали литературный талант Лагерлёф, и она снова взялась за перо.

Период 1891–1897 годов для Лагерлёф — период колебаний, поисков и стилистических экспериментов. Она переживает сомнения, сможет ли она писать: «Я слишком быстро двинулась вперед. Не знаю, в состоянии ли буду сохранить мое место (в литературе. — Л. Б.), не говоря уж о том, чтобы двинуться дальше». Писательница продолжала работать в сказочной манере, публикуя осно-

ванные на фольклорном материале, главным образом на народных легендах, сборники новелл и отдельные фантастические повести. Она еще не может отойти окончательно от романа «Сага о Йёсте Берлинге» и в новеллах «Рождественский гость», «История, которая произошла в Хальстанесе» из сборника «Невидимые узы» (1894) прослеживает дальнейшую судьбу ее героев: флейтиста Рустера, музыканта Лильекруны, прапорщика Эрнеклу. В 1899 году писательница выпустила сборник исторических легенд «Королевы из Кунгахэллы», основанных не только на исторических преданиях («Сигрид Стуррода», «Маргарета Миротворица») и т. д., но и на скандинавских сагах, легендах и песнях. Среди новелл сборника особое место занимает поэма «Маргарета Миротворица». Лагерлёф редко выступала как поэт (поэтические вкрапления в роман «Сага о Йёсте Берлинге»). Но для столь волнующей ее темы — мира на земле — она сочла наиболее приемлемой именно форму поэтическую. Дочь шведского короля Инге Старшего преступает свою гордость и соглашается стать женой норвежского короля Магнуса Босого ради мира в Скандинавии.

В том же 1899 году выходит фантастическая повесть «Предание одной господской усадьбы», а в 1904 году повесть «Деньги господина Арне». Из этих книг, по словам Т. Манна, струился «возвещающий, поющий, льющийся поток древних преданий». «Предание одной господской усадьбы» — одно из самых прекрасных в художественном отношении произведений писательницы. Фантастическая история душевнобольного Гуннара Хеде, игра которого на скрипке возвращает к жизни Ингрид (а в свою очередь, ее любовь возвращает ему разум), написана с потрясающей силой. Точно так же как и повесть «Возница» (1912), героя которой, обитающего в царстве мертвецов, спасает и возвращает к жизни любовь.

«Деньги господина Арне» — великолепная трагическая повесть, написанная, по словам Лагерлёф, на основе «старой истинной истории 1856 года» и скандинавских саг с их темой мести и проклятия. Эта повесть — лишь своеобразное зерно трилогии о Лёвеншёльдах, где похищенный перстень приносит несчастье нескольким поколениям славного рода. «Деньги господина Арне» — в каком-то плане и подготовка антимилитаристского романа «Изгнанник» (1918), где проклятие также тяготеет над старинным родом. Лагерлёф пока еще не создает фундаментальное полотно целостного романа, она еще не отрывается в достаточной степени от предания, где со-

седствуют живые и мертвые. Основа сюжета у нее — пока лишь цепочка мщения за совершенное преступление. Но уже здесь читатель видит широкую картину народной жизни и множество героев — бедных рыбаков и чистильщиц рыбы. А основная сила, движущая действием, — доброта и любовь, которые побеждают благодаря вмешательству высшей силы, откровения или даже чуда, что особенно проявляется в «Легендах о Христе» (1904).

Основная среда обитания произведений Лагерлёф — Швеция и очень часто Верmland. «В душе своей она никогда не оставляла Морбакку, — писал историк литературы А. Верин. — Для нее в самом деле не было пути от дверей родного дома».

Однако некоторые философские, религиозные, моральные и этические проблемы писательница рассматривает на ином материале. В 1895 году, оставив службу, она всецело посвятила себя литературному творчеству. В 1895–1896 годах Лагерлёф посетила Италию, после чего в 1897 году появился ее новый роман «Чудеса Антихриста», который не завоевал широкого круга читателей, если не считать России. Это — единственный роман Лагерлёф, действие которого происходит не в шведской среде, а в Италии. Основной вопрос, волнующий здесь гуманистку Лагерлёф, — как улучшить существование человека. Однако роман подвергся нападкам за попытку соединить друг с другом христианство и социализм. В романе «Иерусалим» (1901–1902) на переднем плане уже не Верmland, а другая живописная и своеобразная провинция Швеции — Далекарлия. В первой части романа — «В Далекарлии» — она описывает столкновение старой консервативной крестьянской традиции с религиозными сектами. Сначала она ведет читателя в трезвый, глубоко религиозный мир, описывая жизнь деятельного крестьянского рода; затем рассказывает, как этот спокойный, замкнутый мир уничтожается, когда члены секты вынуждают крестьян эмигрировать в Иерусалим, чтобы там ожидать якобы предстоящего пришествия Бога. Во второй части романа — «Иерусалим» — она прослеживает дальнейшую судьбу этих крестьян. Национальным эпосом называет этот роман шведская исследовательница В. Эдстрём.

Трудно представить себе, что сказочная книга «Удивительное путешествие Нильса...» сначала мыслилась как учебник для первого класса. Книга, написанная бывшей учительницей в духе демо-

кратической педагогики, должна была ярко и образно рассказать школьникам об их родной стране.

«Удивительное путешествие Нильса...» — книга для чтения, учебник, популярная география Швеции. Причем не только география, но и геология, и ботаника, и зоология. Однако, как писал шведский поэт Карл Снойльский, «Лагерлёф удалось оживить и ярко разукрасить сухой песок пустыни — школьный урок, одухотворить и заставить разговаривать леса, скалы, реки родины и даже мертвые залежи руды». Писательница оживила карту Швеции, преподнесла ее как удивительную сказку. Вот рассказ о провинции Упланд, о ее рельефе и достопримечательностях. Он так и называется: «Сага об Упланде», где Упланд предстает в образе бедной странницы. А вот «Сага о Смоланде». Дети никогда не забудут бесплодную, бедную почву, скалистый рельеф Смоланда, потому что сказочница поведала им о судьбе смоландских гусопасов Осы и Матса. История освоения полезных ископаемых также звучит в книге «Сага о Фалунском руднике». Внутренняя жизнь природы открывается в книге благодаря истории селезня Ярро, истории трогательной дружбы лося Серошкурого и пса Карра.

«Удивительное путешествие Нильса...» построено на народных шведских сказках и легендах. Географические и исторические материалы скреплены здесь сказочной фабулой. Вместе со стаей мудрой гусыни Акки с Кебнекайсе, на спине гуся Мартина Нильс путешествует по всей Швеции. В книге встречается множество животных и птиц, сохранивших, как и в сказках Андерсена, свои естественные, природные особенности и наделенных в то же время многими человеческими чертами. Животные и птицы у Лагерлёф — своего рода «воспитатели». Благодаря им в Нильсе просыпается доброта, он начинает «волноваться чужими несчастьями, радоваться радостями другого, переживать чужую судьбу как свою». В мальчике обнаруживается способность «сопереживать, сострадать и сорадоваться, без которой человек не человек»¹. Полюбив птиц и животных, став их защитником и спасителем, Нильс полюбил и людей. Он понял горе своих родителей, страдания сирот Осы и Матса, трудную жизнь бедняков. Он хочет помочь им, облегчить их участь. Несмотря на увлекательное путешествие, мальчик мечтает вернуться к людям. Это сближает его с Маугли, героем «Книги джунглей»

¹ Чуковский К. От двух до пяти. М., 1963. С. 226.

Киплинга, которая помогла Лагерлёф найти решение ее книги в плане анималистском.

У Лагерлёф встречаются эпизоды знакомства Нильса с индустриальной Швецией, хотя она знала ее недостаточно хорошо. Поэтому рудокопы у нее — абстрактные фигуры. И все же писательница видела, что жизнь этих людей тяжела. Неслучайно они мечтают унести с гусиной стаей туда, где нет «ни кирки, ни молота», «ни машин, ни паровых котлов», туда, где не нужны «ни свечки, ни спички».

Книга «Удивительное путешествие Нильса...» вызвала, как уже говорилось, противоречивые отзывы. Некоторые критики называли ее «революцией в нашей педагогике». Однако писательницу больше всего интересовало мнение маленьких читателей, любивших ее произведение. «Пока детям весело читать эту книгу, она будет побеждать», — повторяла рассказчица. Когда Лагерлёф спросили, какие из почестей, выпавших ей на долю, она ценит выше всего, она ответила: «Возможность участвовать в жизни моих читателей, помогать им». Время подтвердило высокие достоинства этого произведения, ставшего настольной книгой детей и взрослых не только в Швеции, но и в других странах. В 1909 году писательнице была присуждена Нобелевская премия за благородный идеализм и богатство фантазии.

За читательским признанием последовало признание официальное. В 1907 году Лагерлёф была избрана почетным доктором Упсальского университета. Книги писательницы выходили большими тиражами и мгновенно раскупались. Лагерлёф, мечтавшая стать «поэтом народа», была сторонницей эмансипации женщин, поддерживала их борьбу за избирательные права, за признание личной свободы и независимости. В 1911 году в Стокгольме, на Конгрессе женщин мира, она произнесла речь, в которой призывала женщин к участию в общественной жизни. Успехи движения за эмансипацию в Швеции привели к тому, что в 1914 году членом Шведской академии впервые была избрана женщина. И звали ее Сельмой Лагерлёф. Вскоре разразилась Первая мировая война. Для писательницы, верившей в то, что народы должны жить в мире и взаимопонимании, война была тяжелым ударом. Лагерлёф неоднократно публично выступала в защиту мира. «Доколе слова слетают с моего языка, доколе бьется мое сердце, буду я защищать дело мира», — торжественно поклялась она. Откликом на события Первой

мировой войны явился ее антимилитаристский роман «Изгнанник» (1918).

Нобелевская премия позволяет выкупить Морбакку, и рождаются новый роман о столь любимом Вермланде «Дом Лилъекруны» (1911), а также множество воспоминаний, новелл и сказок, собранных в сборнике «Тролли и люди» (1915, 1921), среди них литературные сказки «Подменыш» и «Черстин Старшая и Черстин Меньшая». Народный мотив, использованный в сказке «Подменыш», был известен писательнице с детства, из устной традиции и из сборника преданий Х. Хофберга. Но Лагерлёф подвергает этот мотив глубокой трансформации. Только любовь и жертвенность матери могут вернуть ей ребенка, плененного троллями.

Но еще раньше был написан самый значительный роман писательницы 1910-х годов «Король Португалии» (1914). Некоторые исследователи сравнивают его с лучшими книгами Достоевского. В романе сделана попытка, с точки зрения социальной и психологической, воспроизвести жизнь бедного торпаря. Лагерлёф показывает его бесправие, когда новый хозяин, пользуясь тем, что у Яна нет формальных прав на лачугу, в которой он живет, собирается ее отнять. Однако нищенское существование торпаря освещено его любовью к дочери, любовью, заполнившей все его существо. Эта любовь помогает впоследствии спастись заблудшей дочери нищего торпаря, возмнившего себя королем Португалии.

Историей безграничной любви называли роман «Король Португалии» исследователи. Некоторые писали, что литература раньше знала только одного короля — Лира. Теперь появился ему подобный, но он совершенно не похож на первого: и это — «Король Португалии».

В 1920 году в записных книжках Лагерлёф появились наброски первой части трилогии о Лёвеншёльдах. В том же году вышла и вторая часть трилогии. А 28 ноября 1928 года, в день семидесятилетия писательницы, была опубликована последняя часть — «Анна Сверд».

Трилогия о Лёвеншёльдах — роман, посвященный истории этой семьи на протяжении пяти поколений. Действие начинается около 1730-го и заканчивается в 1860 году. Семейный роман-хроника не был новостью для европейской литературы. Книги о Ругон—Маккарах Золя, «Будденброки» Томаса Манна становятся широко известными в Швеции начала XX века и способствуют возникнове-

нию подобного рода романов в творчестве таких крупных писателей, как Яльмар Бергман, Сигфрид Сивертц, Густав Хелльстрём и Свен Лидман. Однако не следует забывать и о том, что семейный роман-хроника появился в Европе в известной степени под влиянием норвежских писателей Александра Хьеллана и Юнаса Ли. Томас Манн, вспоминая о том, как он «глотал» скандинавскую и русскую литературу, писал, что источником романа «Будденброки» были не книги Золя, а скандинавские семейные романы Хьеллана и Ли.

Нельзя сказать, что трилогия Лагерлёф написана в традициях европейского или конкретно шведского семейного романа. Несмотря на отдельные соответствия, ее книги достаточно своеобразны. В плане непосредственных литературных источников писательница ближе к «Старшей Эдде», к книге С. Топелиуса «Рассказы фельдшера», к норвежской традиции, но не традиции Хьеллана и Ли, а скорее С. Унсет. Унсет — сильная и могучая, чуждая женской мелочности, заставила читателей, по мнению Лагерлёф, поновому заинтересоваться историческим романом. «Исторический роман умер, — писала Лагерлёф в 1926 году, — но, когда гений (Унсет. — Л. Б.) прикладывает к нему руку, роман возрождается к новой жизни».

Трилогия Лагерлёф основана не только на народных и литературных, но и, как у Золя, на документальных источниках. О романе «Шарлотта Лёвеншёльд» писательница сказала: «История, которую я здесь описываю, — истинная». В 1920 году в руки Лагерлёф попали письма и дневники пастора Карла Кристиана Эстенберга (1807–1868). Они-то и послужили основой романов «Шарлотта Лёвеншёльд» и «Анна Сверд», которые Лагерлёф изменила и переосмыслила.

Большинство европейских семейных романов давало широкую картину эпохи. Трилогия о Лёвеншёльдах — картина жизни Швеции XVIII–XIX веков, но в более узком смысле этого слова. Как и у С. Унсет в книгах о Кристин, дочери Лавранса (1920–1922), и Улаве, сыне Аудуна из Хествикена (1925–1927), так и у Лагерлёф, история — фон, на котором разворачиваются события романов. Лагерлёф, бегло касаясь проблем, имеющих значение для всей страны (деятельность Карла XII, вопросы войны и мира, пиетизм), описывает лишь отдельные провинции — Верmland и Далекarлию. Там люди живут во власти семейных событий и преданий. Разме-

ренный и неторопливый ритм жизни в деревне Медстубюн нарушают лишь помолвки, свадьбы и поминки, описываемые со всеми этнографическими подробностями. Вместе с тем трилогия — нечто совсем иное, нежели «Сага о Йёсте Берлинге» и «Удивительное путешествие Нильса...».

В трактовке главных героев отчетливой всего проявилась эволюция творчества Лагерлёф. 9 февраля 1925 года она писала, что в романе «Шарлотта Лёвеншёльд» множество точек соприкосновения с книгами, которые она создала раньше. Не только сюжетные, идейные моменты и художественные приемы, но и образы отдельных героев связывают трилогию с книгами «Сага о Йёсте Берлинге» и «Удивительное путешествие Нильса...». Вместе с тем они глубоко отличаются от них. Герой романов «Шарлотта Лёвеншёльд» и «Анна Сверд» пастор Карл-Артур Экенстедт похож на Йёсту Берлинга. Йёста хотел жениться на бедной девушке. Карл-Артур женился на далекарлийской крестьянке, коробейнице Анне Сверд. Йёсту погубило пьянство, Карла-Артура — то, что он был священником, не любившим людей. Он еще более противоречив, чем Йёста. Проповедуя аскетизм, Карл-Артур не отрекается от земной любви к жене Анне. Восхваляя бедность, не отказывается от привычных удобств. Ненавидя деньги, поносит отца и сестер, лишивших его материнского наследства. Презрев своих близких, Карл-Артур всецело доверился лживой и неискренней Тее Сундлер. Как и Нильс Хольгерссон, Карл-Артур в конце концов научился любить людей. Но если мальчик помещен в среду, где в основном действуют сказочные законы, то образ Карла-Артура дан целиком на фоне реальной Швеции XIX века. Обостренный Первой мировой войной гуманизм писательницы помог ей провести своего героя через все заблуждения его времени, перенести горькие страдания на пути к людям. В Карле-Артуре есть нечто общее с Брэндом Ибсена. Антиподом Карла-Артура является муж Шарлотты — заводчик Шагерстрём. На смену дворянскому сословию Лёвеншёльдов пришел человек новой, капиталистической формации, предприимчивый, энергичный, деловой. Шагерстрём — новый герой Лагерлёф, в котором она видит романтичность, цельность натуры и способность к настоящей любви.

В трактовке героинь не могли не сказаться взгляды Лагерлёф, сторонницы женской эмансипации. Все они, начиная с Шарлотты и кончая баронессой Амелией, восставшей против мужа, личности с ясно обозначенными характерами.

В своей трилогии Лагерлёф отобразила и жизнь крестьянства. Рабочих она не знала: в трилогии они — эпизодические персонажи. В крестьянах же писательница видит честность, мужество, верность, достоинство и трудолюбие.

В отличие от других произведений Лагерлёф в трилогии сравнительно мало внимания уделяется природе. Но все пейзажные зарисовки чрезвычайно поэтичны, природа созвучна настроению героев. Драматично-напряженное действие романа «Перстень Лёвеншёльд» и последней части романа «Анна Сверд» изобилует увлекательными событиями. Размеренно-неторопливо, порой приближаясь к стилю исландского эпоса, использованного и в романах С. Унсет, движется действие в книге «Шарлотта Лёвеншёльд» и в двух первых частях романа «Анна Сверд». Стиль Лагерлёф диктуется содержанием ее произведений. В романе «Перстень Лёвеншёльд» встречается высокая патетика наряду с простотой изложения. Лиризм и юмором, напоминающим порой диккенсовский, проникнуты многие страницы психологического романа «Шарлотта Лёвеншёльд» и отдельные главы романа «Анна Сверд». Некоторые главы воспринимаются как юмористические новеллы. Каждый из романов Лагерлёф отличается своеобразным языком. Слегка архаизован язык в романе «Перстень Лёвеншёльд». В последующих частях архаизация постепенно исчезает, уступая место более современному языку. Лагерлёф свойственно строгое разграничение речи действующих лиц в зависимости от их общественного положения и образования: церковная лексика в разговорах людей духовного звания, просторечие у крестьян. Диалоги образованных людей отличаются обилием галлицизмов, типичных для XVIII века. Анна Сверд, матушка Сверд, сестра Рис Карин, Ансту Лиза и другие коробейники говорят на далекарлийском диалекте. В трилогии постоянно ощущается присутствие рассказчика, который порой комментирует происходящее, порой вмешивается в ход событий и всегда горячо переживает все перипетии.

В последнем своем крупном произведении Лагерлёф создала не только цельные романы с единством действия, но и законченную историческую эпопею.

Известный шведский писатель Свен Дельбланк как-то сказал, что Швеции было суждено подарить миру Сельму Лагерлёф. И шведы надеются, что читатели еще долго будут отдавать должное этому подарку.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Брауде. Сельма Лагерлёф и мир ее творчества</i>	5
<i>САГА О ЙЁСТЕ БЕРЛИНГЕ. Перевод Л. Брауде, Н. Беляковой</i>	27
ТРИЛОГИЯ О ЛЁВЕНШЁЛЬДАХ	
<i>ПЕРСТЕНЬ ЛЁВЕНШЁЛЬДОВ. Перевод Л. Брауде</i>	389
<i>ШАРЛОТТА ЛЁВЕНШЁЛЬД. Перевод Ф. Золотаревской</i>	467
<i>АННА СВЕРД. Перевод Н. Беляковой, Л. Брауде</i>	678
<i>Примечания. Н. Белякова, Ф. Золотаревская</i>	914

Лагерлёф С.

Л 14 Перстень Лёвеншёльдov : романы / Сельма Лагерлёф ; пер. со швед. Н. Беляковой, Л. Брауде, Ф. Золотаревской. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — 928 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-07514-6

«Сага о Йёсте Берлинге» — одна из знаменитейших книг шведской литературы. Необыкновенное сочетание фольклора и действительности, народных легенд и преданий с классическими сюжетными перипетиями реалистической драмы создают необыкновенную атмосферу и ставят этот роман в ряд наиболее оригинальных и увлекательных произведений девятнадцатого века. Впрочем, эти же слова применимы ко всем произведениям шведской писательницы Сельмы Лагерлёф. Трилогия о семье Лёвеншёльдov — великолепная сага, охватывающая историю пяти поколений, полная таинственных связей, роковых предзнаменований, невероятных приключений, и все это на фоне реальных исторических событий.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)-44

Литературно-художественное издание

СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ
ПЕРСТЕНЬ ЛЁВЕНШЁЛЬДОВ

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Елена Орлова, Станислава Кучепатова,
Валерий Камендо, Елена Шнитникова

Подписано в печать 27.12.2021.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 58.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

Y-ILN-15519-02-R